

Даниил Череватский,
Михаил и Мария Роттер

**ЭТО НАСТОЯЩИЙ
«КРАСНЫЙ ЦВЕТОК»,
А НЕ ЦИ-Гун «99 ПАЛЬЦЕВ»**

Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

**Михаил Роттер
Мария Роттер
Даниил Череватский**
**Это Настоящий «Красный
цветок», а не Ци-
Гун «99 пальцев»**
Серия «Восток: здоровье,
воинское искусство, Путь»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24123988
Даниил Череватский, Михаил и Мария Роттер. Это Настоящий
«Красный цветок», а не Ци-Гун «99 пальцев»: Ганга; Москва; 2015
ISBN 978-5-906155-02-3*

Аннотация

Ци-Гун «Красный цветок» – эффективная система оздоровления и духовного совершенствования, отличающаяся простотой и быстротой достижения ощутимых результатов. Она имеет также воинское применение, поскольку «приписана» к стилю ушу Тун-Бэй-Цюань. Предлагаемая книга – своего рода дополнение к учебно-методическому пособию Михаила Роттера «Полный традиционный комплекс Ци-Гун "Красный цветок"» – художественное произведение, с героями которого легче понять

и освоить серьезные вещи. В ней описано обучение этой системе у настоящего мастера и в увлекательной форме раскрываются секреты ее освоения.

Содержание

Предисловие издательства	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Даниил Череватский,
Михаил и Мария Роттер
Это Настоящий «Красный
цветок», а не Ци-
Гун «99 пальцев»**

© Даниил Череватский, Михаил Роттер, Мария Роттер, текст, 2014

© Издательский Дом «Ганга», 2015

Предисловие издательства

Дорогой читатель! У нас уже есть опыт сочетанных публикаций в виде учебно-методического труда и художественного произведения, с героями которого легче понять и освоить серьезные вещи.

Так, в 2012 г. вышла книга «Чань-Ми-Гун Ци-Гун» известного китайского мастера Фэн Шао И и его соавтора Михаила Роттера, а годом позже – «Нечаянный Ци-Гун». Каждая из этих издательских единиц хорошо разошлась, обе книги стали популярными.

Этой книгой мы дополняем «Полный традиционный комплекс Ци-Гун „Красный цветок“» Михаила Роттера.

Авторы не позиционируют явно и не трактуют детально свое произведение, но мы не только издатели, мы еще и читатели нашей печатной продукции. А читатель, право, имеет право... на свое восприятие. Для нас повествование Даниила Череватского, Михаила и Марии Роттер по мотивам Ци-Гун «Красный цветок» Михаила Роттера – это такая себе «психоделическая штучка», легкая, изящная, интересная. Но и те, кто рассматривает наши выпуски как пособия, дураем, тоже не будут разочарованы.

Мы тщательно и принципиально формируем свой портфель. Наши читатели со стажем могут подтвердить это. Поэтому уверены, что и от знакомства с этим произведением

Вы получите удовольствие.

«Настоящее название этой традиции «Красный цветок». Тех, для кого «Красный цветок» – это «Красный цветок», а не «две пятерки» и не «99 пальцев», очень немного. Теперь ты знаешь название, и это означает, что учитель тебе доверял настолько, что был готов передать всю традицию полностью, без утайки. Это послание другим мастерам нашей школы, что тебя можно учить, как «своего». А тот, кто скажет про «Ци-Гун 99 пальцев», – он не настоящий!»

Искренне Ваше, Издательство

Глава 1

Ничего... Только звуки и темнота... Шарканье, реплики, оклики, окрики... там, выше, в отдалении – шумело... откуда шли запахи. Как в римском аэропорту, когда в оцепенение полудремы долгого ожидания на цыпочках вошло смешение языков, не поймешь каких, неразборчивое и неразличимое по смыслу, пока вдруг где-то рядом: «Маша, что она сказала? Какой рейс?»

Резкий запах мочи и пота... Что, опять этот бомж со станции Roma-Termini пришел за сигаретами? Он же так понимающе улыбнулся, сказал: «Non c'è lo» (мол, этого нет) и отошел. Грубый раздраженный голос усугубил мое недоуме-

ние. Похоже на итальянский, но очень странный итальянский: «Эта пададь даже не шевелится!» Сотрясение моего мира выявило наличие его периферии, боли от пинка не было, так, бум... и внутри екнуло.

– Нет, не подох... А жаль, возись теперь с ним... Поддай мне копьё...

– Подожди, – послышался другой голос с еще более странным выговором.

Тепло близкого дыхания, палец, задирающий мне веко... пальцы на запястье, как пульс считают. Убрал руку. Удаляющиеся шаги. Мир снова скомкался до звуков в темноте.

– Вот, возьми! – Это голос «щупальщика».

– Может, мне эту пададь себе оставить, если ты столько даешь за нее? – Грязный смешок «вонючки».

– Тут нет никого, кто даст тебе больше за такой тухлый товар. А тебе он не нужен! Эй, снесите его ко мне, только не растрясите по дороге...

Лежать было очень жестко. Бросили на повозку, как куль. Резкие голоса тащивших ее и стук колес заполняли все пространство в округе. Колесики, эхма, они громко скрипят, сипят, скрежещут, пережевывая негладкости дороги. И моя бедная голова подпрыгивает, захлебываясь тошнотой, за каждым их оборотом, а если ухаб – все уплывает, и боль спицей пронзает мозги.

Есть ли здесь луна? Земля ли это? Откуда мог взяться че-

ловец с копьем... Когда Вонючка потребовал копье, страха не было, хотя серьезность его намерения была точно не шуточной, это, скорее, озадачило. Вроде дурного сна: жутко, аж дух захватывает, но смотришь-смотришь... в оцепенении.

– It was during a misunderstanding, – вдруг завел декламацию кто-то внутри меня, – conducted with crowbars with a fellow we used to call Hercules. He laid me out with a crusher alongside the head that made everything crack, and seemed to spring every joint in my skull and made it overlap its neighbor. Then the world went out in darkness, and I didn't feel anything more, and didn't know anything at all – at least for a while... When I came to again, I was sitting under an oak tree, on the grass, with a whole beautiful and broad country landscape all to myself – nearly.¹

– No, up to here! – откуда-то сверху потребовал человек, в котором я узнал Анатолия Ивановича. Резко так, строго потребовал.

– Анатолий Иванович! – радостно потянулся я к нему...

– Up to here! – Он был непреклонен.

И я послушно добавил:

– CAMELOT – Camelot, – said I to myself. I don't seem to

¹ Вышло у меня недоразумение с одним молодцом, которого мы прозвали Геркулесом. Он так хватил меня ломом по голове, что череп затрещал, а все швы на нем разошлись и перепутались. Весь мир заволокла тьма, и я долго ничего не сознавал и не чувствовал... Когда я очнулся, я сидел совершенно один под дубом на траве, в прелестной местности (англ.).

remember hearing of it before. Name of the asylum, likely.²

– Your mark is two! – зло крикнул Анатолий Иванович.

Или это мои возницы собачатся между собой?

– Asylum, – скрипят колеса, – Asylum, Asylum... Эсайлем.

Я лежу лицом вниз, глаза закрыты, но вижу стол возле большого окна, цветы на белом подоконнике с облупленной краской... он, Анатолий Иванович, задает мне учить наизусть огромный кусок текста. Не стихов, а прозы. Нарочито меланхолично говорит: «From here»... Затем смотрит на текст, отмечает конец фрагмента и говорит: «Up to here». Поднимает взгляд на меня, понимающе улыбается, сдвигает карандаш на пару абзацев ниже и говорит: «No, up to here!»

– Asylum, – скрипят колеса, – Asylum, Asylum... Эсайлем.

А вдруг это и впрямь какой-нибудь «Камелот», эсайлем, дурдом, куда сдают буйных? А кто я?

– Asylum... А-а! – Спица воткнулась в мозг: мои возницы в очередной раз раскачали телегу. Свет погас...

– Dove? Casa o pergola? (Куда? В дом или под перголу?)

Мой последующий “приход” из небытия показал, что выбор сделан в пользу перголы. Пахло пряными травами, ветер временами тискал кроны деревьев, и они постанывали в ответ. Настырная птица сыпала и сыпала рулады. Кто-то рядом

² Камелот... Камелот... Нет, никогда не слышал я такого названия. Вероятно, так называется сумасшедший дом (англ.).

крикнул: “Очнулся!”, и вот уже теплая рука властно приникла к моему запястью – отмеривать пульс.

Пульсом не ограничилось. Жесткие горячие ладони, из них шло, нет, перло тепло, ровное, мощное. Железные пальцы. Казалось, голодные зверьки завладели моим телом. Руки мяли, разрывали, растирали, давили, жали, проникали в сокровенные точки моего организма, и, удивительно, тело откликалось на эти воздействия. Шел немой разговор, мимо меня, напрямую. Я не знал этого языка, зато тело мое его понимало...

Усталый, но умиротворенный я “отъехал”. Тихо и незаметно...

Пробуждение-непробуждение... Мгла не развеивалась, хотя я тужился держать глаза открытыми. Страх выморозил даже дрожь: я бревном лежал на дне уходящей ввысь бесконечности и каждой клеточкой пытался понять темноту. Где-то совсем рядом что-то немислимо большое топало и недовольно фыркало, шуршало множеством стрел – то вытряхнут их из колчана, шур-р-р, то сложит назад – шух-х-х. И ходит-топочет... И ходит-топочет. И ходит... Ходит... Ходит...

Утро принесло облегчение. Еще невидимое солнце потеснило тьму, и через муть, оказавшуюся балдахинном, окружавшим ложе, проступил навес и высокие толстые столбы, на которые он опирался. Задняя и левая стороны перголы бы-

ли затянуты чем-то вроде циновки неплотной вязки, они совсем не мешали ветрам гулять свободно. Но лучей утреннего солнца было недостаточно, чтобы высветить дальний край дощатого настила. Площадка была огромной, все 50 квадратных метров, наверное. А квадратная кровать, на которой я возлежал, настоящая letto matrimoniale – супружеское ложе, просторное, как аэродром. А балдахин, скорее, сетка от комаров. Дерюжное покрывало защищало от утренней прохлады. Я чувствовал себя лучше!

– Меня зовут У, – произнес он с улыбкой, возникнув в фалдах балдахина. Большая иголка какого-то зверя в его руках озадачила меня. – Rogcospino (дикобраз), – пояснил он, – знакомиться с тобой приходил. Напугал? Не бойся, он тут главный, хозяин! Вот, иглу свою на память оставил. Не выбрасывай, вдруг обидится! – Присел на край кровати и взял мое запястье для пульсометрии.

Не пытайтесь угадать возраст азиата. Ну уж не мальчик. Но и не старик. Невысокий, худощавый, жилистый, крепко и ладно сложенный.

Пульс изучал долго и углубленно. Закончив это исследование, повернул мою голову лицом к свету и жестами показал, чтобы я высунул язык. Язык тоже заслужил серьезного отношения. У долго рассматривал его, бормоча что-то и кивая головой, как бы соглашаясь со своим диагнозом. Потом помог мне встать на ноги и поддержал: я чуть не упал – голова пошла кругом. Осмотрел меня голого со всех сторон,

покачал головой:

– Mangiare bene, dormire molto, lavorare – росо (питаться хорошо, спать много, работать мало), – и улыбнулся.

Я снова упал на кровать.

– Почему вы меня выкупили? Я теперь вам кто? – подрагивающим голосом произнес я.

– Ты маг (он так и сказал – «magus»), я понял это, едва увидел тебя. Тебе, наверное, крепко досталось в битве магов: сверху ничего не видно, а внутри большие разрушения... здесь никто так не ударит... Это другая сила! Я, поверь, всякого насмотрелся. Тут люд простой... Ты маг... Я никогда не встречал такого, как ты, а был во многих местах, и родом я не отсюда, моя земля – «sotto cielo» («Поднебесная», – подумалось мне), не слыхал? Живу долго, а про тебя вот не могу даже знать, сколько ты прожил, не могу знать... Очень много, однако – так каналы забиты. Ты, вижу, из благородных: всегда ел сытно и помногу, никогда не работал тяжело. Ты знаешь что-то, чего здесь никто не знает... Но ничего не умеешь.

Или ты оказался там, где быть не положено, или хотел взять то, что тебе не принадлежит, – добавил он после продолжительных раздумий.

– Так, может, я Старик Хоттабыч? – с тоски по-дурацки пошутил я и понял, что это сверх его понимания. У в замешательстве развел руками.

– Они ходили вокруг тебя и все гадали, откуда ты взялся?

Дураки, ты уйдешь, как пришел... Уйдешь, никто и не заметит. Мне нужно помочь тебе собраться в дорогу.

– Далеко-далеко? – внутри похолодело.

– Нет, я должен помочь тебе собрать силу...

Выполнить наставление о хорошем питании мне помогала жившая при усадьбе некрасивая служанка, повариха.

Она не разговаривала со мной и держалась отчужденно. Первым съеденным блюдом был суп из «frutti del mare» – морепродуктов, даров моря: креветки и всякая мелкая морская живность. Вкусно и полезно. Вся пища была простая, без изысков. Основу составляли злаки, мясо. Вино тоже было в ходу, его разбавляли водой и пили не только вечером, но и в течение дня.

Пергола стояла на крутом склоне. На дне чаши пологих холмов рос «ни живой ни мертвый» огромный дуб – его в незапамятные времена опалила молния и он стоял траурно-черный в обрамлении сочно-зеленых побегов. Ниже dna чаши с дубом в центре находилось другое дно – расположенного вокруг холмов глубокого оврага с текущим по нему ручьем-змеем.

Журчание ручья и пение невидимой птицы привносили сюр в это залитое солнцем и звучащее эхом пустоты безлюдное место.

Дом располагался невдалеке от перголы. Меня потряс его явно «не отсюда» вид – три этажа, правильная кубическая

форма. Первый этаж с отдельным входом. Указывая на него пальцем, У коротко сказал: «Per le ospiti» (для гостей). Место приема пищи – на втором этаже, куда вела узкая каменная лестница. Большущая общая комната, совмещенная с кухней, громадный очаг (камин). Рядом кабинет с манускриптами и небольшая комната (тоже для гостей). Выше – деревянная лестница – апартаменты хозяина. Хозяин дома («Padrone di casa») здесь бывает не часто, У его наместник, заправляет всем и всеми, кроме Дикобраза... конечно. Тот сам по себе.

Ничего лишнего, ничего напоказ, но все, что было в доме, поражало своей основательностью. Стул – двумя руками не поднять, обеденный стол, сделанный непонятно из какого дерева, пожалуй, человека четыре заносили.

Безлюдный дом, безлюдное поместье. Место странное-с! И я тут непонятно откуда и неизвестно зачем.

То, что доктор прописал – хорошо кушать, много спать и мало работать – приносило плоды, но меня еще, образно говоря, качало ветром.

Однажды утром У пришел с горшком терракотового цвета, из которого поднимался красный цветок.

– Теперь это будет для тебя главным! – сказал он. – Будешь стоять в столбе.

Поставив меня вертикально невдалеке от цветка, У руками, коленями принялся разминать неподатливую глину моего тела, вылепливая некую фигуру. Он устанавливал, выкру-

чивал мои стопы, колени, поясницу, корпус, пальцы, плечи, шею... поправлял стойку – не было ничего, чего бы он не коснулся. Ноги – на ширину плеч, стопы параллельно. Колена – над основанием большого пальца ноги. Трудился молча. Старательно. Очень сосредоточенно. И вдруг буркнул-скомандовал: «Тяжесть падает на пятки!»

Это «опрокинуло» все мое доверчиво затаившееся естество. Ум встрепенулся и заметался растерянно: сесть не сесть, а что... что? У покачал головой и, корча рожи, ужимками показал, что нечего, дескать, мне своим толстым задом усаживаться на пятки, просто большая часть тяжести должна приходиться ближе к пяткам, чем к носкам. Чтобы лучше дошло, он сам стал в столб и перенес вес на носки, почти падая вперед. «Не так!» Утрированно отклонился назад, задрал носки, неуклюже опершись на пятки. «Не так!» Ухмыльнулся и показал, как правильно: «Так!»

Я все время страшился языковых сбоев. Не есть ли «тяжесть падает на пятки» каким-то устойчивым сочетанием вроде чешского: «Позор! Полиция ворует!»³

«Знания-навыки-умения», – не уставала повторять моя умная подружка-филолог. Она писала диссертацию на тему «Обучение чтению на французском языке в неязыковых вузах»... В том же духе наставлял комроты, офицер-афганец: «Стрелок должен знать, что нужно совместить мушку и рамку; стрелок должен уметь делать все это грамотно; стре-

³ «Внимание! Полиция предупреждает!» (чешск.).

лок, чтобы стать стрелком, должен отстрелять свои минимум 600 патронов!» «Сволочи, – в ярости добавлял он, когда на стрельбище нам поштучно раздавали патроны, – нашли, на чем экономить...»

Здесь мне никто не сказал, для чего это все, что нужно, как нужно... и какие 600 патронов нужно выпустить, чтоб научиться, – пилигрим, идущий куда глаза глядят, да и только... смиренный и терпеливый...

– У нас не принято все говорить прямо, – доверительно разъяснил У, наверное, почувствовав мое настроение. – Ученика должно мучить сомнение. Пусть что-то малое, но непонятное. Сомнение должно проживать в нем. Не дать ему закоснеть, загордиться, посчитать себя ровней учителю. Алчущему знаний приличествует почтительность, знающему подobaет достоинство. Я люблю туманные образы, они создают аромат таинственности и чувство причастности к тайному знанию. Металлический прут, обернутый ватой, – это ничего для незнающих, но многое для тех, кто понимает. Это чувство. Ты мне не ученик, ты – сам маг и у нас мало времени – день короткий, а сборы долгие. Поэтому, как ни горько, я не открою тебе многих важных вещей и не скажу многих полезных стихов. Из поколения в поколение учение передают в песнях, чтобы и неграмотный не забыл, и грамотный не напутал... Не утаю – нет, не успею. Спешка запечатывает мне рот... и развязывает руки...

И У без усталости продолжил выставлять мои стопы и коле-

ни, править и править стойку.

Его усилия привели меня к уверенности, что низ здесь важнее верха, что он и подтвердил: «Ошибку в руках исправляй ногами и поясницей. Ошибку в ногах и пояснице уже ничем не исправить».

Обходя меня по кругу и придирчиво оглядывая, У довольно заметил: «Все подделки разные, все настоящее одинаково». Лицом показал, чтобы я замер. Я замер. Он встал напротив, так близко, что я чувствовал его дыхание, тепло и подвижную неподвижность. Это мне напомнило увиденных еще в детстве двух котов. Дрались, орали, а потом вдруг надолго застыли, как бы гипнотизируя друг друга. «Для рукопашной схватки, – прошептал, как продышал, У, – то правильно, что и для стояния в столбе... Что верно для стояния в столбе – верно и для схватки». И снова застыл. Я попытался пошевелиться, было очень тяжело с непривычки, но он, даже не говоря ничего, не шевелясь, прервал мои поползновения. Может быть, глазами, взглядом, может, бровью... И я продолжил стояние, хотя дрожь была все сильнее.

– Это основы, – то ли выдохнул, то ли внушил мне телепатически У. – Старые учителя иногда ничего другого и не делают, – уже в голос произнес он, – бедро вперед, живот назад... и сила возрастает! Когда тело расслаблено и силы накоплено много, все обязательно станет, как надо. Само. Нет времени ждать – я буду делать тебя руками.

Он оставил свой пост, подошел ко мне, надавил одной ла-

донью на копчик (заставляя его податься, подобраться вперед), а второй – на нижнюю часть живота (заставляя его подобраться назад-внутри). Ладони у него были жесткие, и, хотя давил он не сильно, сразу стало понятно, что означает «бедро вперед, живот назад» – ювелирные тиски с губками, обклеенными толстой кожей, – и зажато железно, и поверхность детали не деформируется. «Из-под мягкой лайки, – вспомнилась фраза О’Генри, – в любую минуту может выставиться костлявый кулак». От костлявого кулака в лайковой перчатке руки У отличались только тем, что иногда становились очень горячими. Так было во время массажа или лечения. Сейчас от рук просто шло ровное тепло.

Задав «умелой рукой» правильное положение поясницы, У скупое пояснил: точка Мин-Мэнь, «Ворота жизни», открыта. Потыкал в место на спине примерно напротив пупка: Мин-Мэнь, это Мин-Мэнь. Точка Мин-Мэнь должна быть открыта всегда! Другие точки не так: или открыты, или закрыты (пустое и полное) – это нормально. Не Мин-Мэнь! Она тоже «живет», открывается больше или меньше, но полностью не закрывается никогда.

Боясь что-то упустить, я решил вести «конспект». Благо задняя стена дома, скрытая от глаз, была светлой, а припасенный уголек легко оставлял на ней след. Когда У ушел, я сделал «вид сбоку», подразумевая под вертикальной линией ту палочку, которой У «восстанавливал перпендикуляр» из моего колена в основание большого пальца. Я изобразил не

только правильный, но и неправильный изгиб колен. Если колени слишком согнуты, то велика опасность их переутомить или даже травмировать.

Так увлекся, что не заметил, как вернулся У и стал наблюдать за моим «творчеством».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.